

Под Москвой в бывшем имении К.С.Станиславского восстановили небольшой павильон, в котором купец Алексеев представлял изделия своих золотоканительных фабрик на первой всероссийской промышленной выставке в 1882 году. Потом его перевезли в Любимовку. Под его крышей пели Шаляпин и Собинов, репетировались первые спектакли художественников...

Международная конфедерация театральные союзов – нынешние владельцы мемориально-культурного центра "Любимовка" – не устраивала торжеств и презентаций по случаю "закладки первого камня", а сразу впустила в новый павильон молодых актеров, режиссеров, драматургов в надежде, что аура этого места будет вдохновлять их.

Тени и голоса Любимовки оживают не только строители и театральные деятели, но и исследователи русского театра, ведь в окрестностях этой усадьбы гуляли не только сами знаменитые, но и будущие персонажи "Вишневого сада".

ЧЕХОВ писал свою Шарлотту Ивановну, гувернантку Ани Раневской в "Вишневом саде", с реальной англичанки, служившей бонной в состоятельной московской семье. Об этом рассказал Станиславский в "Моей жизни в искусстве". Он хорошо знал Лили Глассби – маленькую, по-балетному хрупкую двадцатилетнюю женщину с двумя длинными косами. Она прекурьюзно коверкала русские слова и обращалась к Чехову, знаменитому писателю, на "ты", что очень ему нравилось. Так с ним никто не разговаривал. Они много смеялись. Книппер-Чехова даже слегка ревновала Лили к мужу. Они познакомились летом 1902 года, когда Чеховы жили на даче Станиславского в Любимовке Ярославской железной дороги и Чехов готовился засесть за пьесу, обещанную Художественному театру к началу нового сезона. Будущие персонажи "Вишневого сада" окружали его в барском доме, на прогулках и за рыбной ловлей, оттягивая своей жадной общением с писателем и его женой-артисткой начало работы, требовавшей уединения, и корректируя первоначальные замыслы.

Лили Глассби служила в семье кузины Станиславского Елены Николаевны, урожденной Бостанжогло, дочери табачного фабриканта, и ее мужа Сергея Николаевича Смирнова, учителя словесности во второй мужской московской гимназии. Вместе с четырьмя дочерьми – Маней, Наташей, Таней и Женей и маленьким сыном Коккой они жили каждое лето в своем имении Тарасовка, по соседству с Любимовкой. Старшая из барышень, семнадцатилетняя Маня, училась на музыкальных курсах Е.Н.Визлера и не пропускала в Художественном театре ни одного спектакля, если в нем играла Ольга Леонардовна. Вторая – пятнадцатилетняя Наташа летом 1902 года перешла в VI класс восьмилетней частной женской гимназии А.Ф.Гросмана. В ней Чехов нашел черты своей Ани, дочери Раневской, ее раннюю самостоятельность и устремленность в будущее, манящее тайной.

После любимовского лета с Чеховым девочки Смирновы, не ведая, что попали в пьесу и закрепляются в ней, писали в Ялту, подбрасывая столь недостающий писателю материал о себе. В архиве Чехова в рукописном отделе бывшей Ленинградской библиотеки – 8 писем от Мани, 5 – от Наташи с ее рисуночками, одно – от Жени и две очаровательные записочки от Лили – будущей Шарлотты Ивановны. Первая сопровождала кофейное мороженое, которое присылала Чеховым от Смирновых:

"Брат Антон! Мороженое для тебя, но хорошо если ты други тоже будешь, только не простудес. Будет здоров. Христос с тобой. Твои дружки Лили".

Во второй Лили писала Чехову, что и она скучает без него:

Шарлотта Ивановна пишет Луначарскому

Лит. газ. - 1993. - 1 дек. - с. 8.

"Брат Антон! Как долго время про казаться как ты уехала от сюба, мне жаль потому я люблю знать что ты близка. Как твоё здоров? Счастливый ли ты? Мне очень жал что твоё жена совсем одна, она я думать очень скучно. У нас все здоров кроме Кока он себе нарезала нога, но теперь он тоже здоров. Маня, Наташа и Женя тебе кланяться и желаю тебе счастья и здоров. Пожалуйста поскорей возвращаться или мы тебе не буду видеть. Теперь ты писать мне письмо, потому ты мне сказала если я тебе буду писать ты мне тоже будешь. Когда ты будешь здес? Прощай дорогой Брат. Христос с тобой. Люблю тебе. Лили".

Шарлотта говорит не на ломаном, а на чисто русском языке, лишь изредка она вместо Ъ в конце слова произносит Ь и прилагательные путает в мужском и женском роде", – пояснял Чехов впоследствии, когда пьеса была закончена и отправлена в Москву, в Художественный театр.

На этом бы история Лили и Чехова и закончилась, если бы не английский чеховед Харви Питчер. Он нашел лондонский след Лили до отъезда ее в Россию в середине 1890-х и по возвращении в Англию в середине 1920-х. След тянется до 1952 года. Лили, родившаяся в 1876-м, умерла в 1952-м. Харви Питчер написал чудную документально-художественную повесть о Лили, расспросив о ней ее родных и приятельниц, которым она в Англии рассказывала о России и о себе, затерявшейся в космосе чужой страны. Его книжка так и называется: "Лили".

В 1913 году Лили Глассби вышла замуж за Сергея Николаевича Смирнова, и у них была приемная дочь, взятая из многодетной крестьянской семьи. Ее звали, как и приемную дочь Раневской, Звери, Варенькой. Потом случилась революция, и однажды, кажется, в 1918-м или в 1919-м, Сергей Николаевич исчез. Не вернулся домой с фабрики Бостанжогло, принадлежавшей прежде родственникам его первой жены. Он был членом ее дирекции и правления. Лили искала мужа в Бутыряках, ходила на Лубянку. Но так и не нашла его.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ архив Министерства безопасности Российской Федерации, открывший свои секретные фонды, ответил через много месяцев ожидания так же, как ответил дежурный сотрудник ВЧК Лили, сунувшейся в окошечко на Лубянке: Сергей Николаевич Смирнов, родившийся в начале 1860-х, в их картотеке не значится.

Есть еще архив Министерства внутренних дел Российской Федерации. Может быть, С.Н.Смирнов – "уголовник", как и брат его первой жены, известный ученый-орнитолог Василий Николаевич Бостанжогло? Он тоже был членом дирекции своей табачной фабрики. Его арестовали в июне 1920-го и в июле того же года расстреляли за спекуляцию николаевскими рублями. Наверное, зо-

лотыми. В информационный центр Министерства внутренних дел РФ послан запрос о С.Н.Смирнове – ждем ответа...

А вот Центральный государственный архив Российской Федерации на Бережковской набережной неожиданно подарил документ, которого никто не искал. В апреле 1921 года, когда Сергея Николаевича уже не было рядом с Лили, а она оставалась в России из-за Вареньки и жила уроками английского – еще кто-то в этом хаосе, в этой голодной разрухе учил английский, – Лили писала А.В.Луначарскому!

Почему Луначарскому, нарком просвещения? Может быть, они были знакомы через Сергея Николаевича, преподавателя словесности? Или она работала в системе Наркомпроса? Два пожелтневших листка, подписанных Еленой Смирновой, урожденной Глассби, проживающей на Разгуляе, в бывшем собственном доме Бостанжогло, только в одной из его комнат с подселенцами, подшиты в папку управделами Наркомпроса. Е.Р.С. – это Елена Романовна Смирнова, Лили. И то же "ты" в письме к высокопоставленному адресату, как и двадцать лет назад – к Чехову. И то же почти абсолютное доверие к миру, ошестившемуся против нее домкомами, очередями на морозе, кирзой и комиссарским кителем тюремщиков. И то же полное отсутствие защитных рефлексов.

19 20 21
IV

Товарищ Луначарский

Я умалю: пожалуйста отпусти на свободу Надежда Ивановна Константинова (она сидит, в Новинская женская тюрьма камера 13). Она почти два лета сидит, я знаю, что там отношении хорошо и чисто там, и она бодр духом так как она живет с Богом, но это так ужасно быть отрезан от все, и главная когда нет за что. Постав себя на ее места подумай если у тебя мать или сестра сидела как была бы тебе тяжело. Я так ее люблю что если позволишь я сама поду сидеть за ней, хотя на праздник отпустила если не ради Пасха, хоть ради инационачи (всепоношной? –Г.Б.) праздник пожалуйста отпусти.

Прости, что я беспокою сама бы хотела бы видит тебе но незнаю куда идти. Хотя я Англичанка я очень люблю русски, ибо от них кроме любви и ласка я нечего ни получила всегда. Ищи раз прошу, отпусти пожалуйста хотя на праздник.

Елена Смирнова
урожден Глассби

Е.Р.С.

Ст. Басманная д.35 кв.2.

Лили хлебнула в России всего, что та дала ей: и счастье, и беду, и стала вровень с лучшими людьми ее второй родины. Она разделила с российской интеллигенцией ее отзывчивость, ее боль за другого, брошенного большевиками в тюрьмы и лагеря, где ближний, которого Лили воспринимала как брата или сестру, как когда-то Антона Чехова, отбывал срок "не за что"...

Как сыграть актрисе, получившей роль Шарлотты Ивановны в "Вишневом саде", эту пленительную и щемящую до кома в горле открытость Лили, пророчески угаданную Чеховым и сохранившуюся в ней в эпоху кровавой диктатуры пролетариата?

Письмо Лили Глассби – Елены Романовны Смирновой – было зарегистрировано в кабинете Наркомпроса 25 апреля 1921 года, на нем чей-то небрежный росчерк: "тел. пос." – телефонограмма послана. В то время как на других прошениях в той же папке управделами, отправленных в Кремль, в собственные руки Луначарскому, иная резолюция: "без последствий".

Центральный архив Министерства безопасности РФ ответил:

Надежда Ивановна Константинова в картотеке ВЧК не значится.

А вдруг эта Надежда Ивановна – та самая Надя, молодая женщина из очереди в приемную Лубянки, с которой Лили познакомилась, когда искала Сергея Николаевича? Лили рассказывала о ней своим английским друзьям. Наде тогда сообщили, что ее муж Борис, сидевший в Бутырской тюрьме за саботаж, расстрелян, и Надя упала в обморок. Неужели и ее, мать двоих детей, арестовали?..

Галина БРОДСКАЯ